

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.

(Воспоминанія педагога).

Служба въ Радомѣ ¹⁾.

Съ назначеніемъ меня инспекторомъ Радомской гимназіи въ 1873 году окончилась моя шестилѣтняя служба въ Петроковской гимназіи и начались для меня новыя условія жизни и новая служба въ Радомѣ, длившаяся въ этомъ городѣ ровно 30 лѣтъ: сперва десять лѣтъ въ должности инспектора гимназіи и двадцать лѣтъ въ должности директора гимназіи. Такимъ образомъ 1873 годъ является для меня гранью въ моей жизни и служебной дѣятельности. Первые семь лѣтъ моей службы въ Конинѣ, Калишѣ и Петроковѣ, въ годы ранней моей молодости, въ годы начала расцвѣта силъ, молодыхъ надеждъ, расцвѣта чувствъ дружбы, доброжелательства къ людямъ, въ счастливо складывавшейся для меня, особенно въ Петроковѣ, товарищеской средѣ, оставили во мнѣ только пріятныя воспоминанія и добрыя чувства къ пройденному мною поприщу жизни. До сихъ поръ я зналъ только одно свое дѣло—преподаваніе русскаго языка моимъ ученикамъ, имѣлъ одну только заботу—объ ихъ успѣхахъ въ этомъ предметѣ и одну только отвѣтственность,—и отвѣтственность за эти успѣхи. Другихъ заботъ и отвѣтственностей на мнѣ не лежало; класснаго наставничества въ то время еще не было, наблюденія и отвѣтственности за поведеніе учащихся учителя не несли. Правда, служба учительская, особенно преподавателя русскаго языка

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, была тяжела и утомительна, но цѣль дѣятельности и отвѣтственность преподавателя были опредѣленны, ясны и несложны. Не такой характеръ и иное уже значеніе имѣла дѣятельность инспектора, а тѣмъ болѣе директора гимназіи: съ дѣятельностью инспектора гимназіи неразрывно связана была отвѣтственность за поведеніе учащихся и дисциплину въ учебномъ заведеніи, а съ дѣятельностью директора гимназіи связаны заботы о благосостояніи учебнаго заведенія во всѣхъ отношеніяхъ и нравственная и служебная отвѣтственность за это благосостояніе. Тяжесть труда и отвѣтственность, связанная съ обоими этими должностями, усугублялись еще особыми, весьма неблагоприятными, условіями службы въ Царствѣ Польскомъ. Инспекторъ и директоръ гимназіи были блюстителями не только учебно-воспитательнаго и дисциплинарнаго дѣла въ заведеніи, но и правильности веденія учебнаго заведенія въ духѣ правительственныхъ предначертаній, и стражами, охраняющими учебное заведеніе отъ вторженія въ него антиправительственныхъ вліяній и враждебныхъ установленному режиму и направленію учебнаго заведенія внѣшнихъ воздѣйствій на учащихся. Вслѣдствіе этого дѣятельность инспектора и директора гимназіи требовала особенной внимательности и напряженности и не избавлена была отъ непріятныхъ столкновеній съ учащимися, ихъ родителями и представителями мѣстной администраціи и отъ непредвидѣнныхъ инцидентовъ, и особенно эта дѣятельность усложнилась въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда начало проявляться скрытое броженіе въ польскомъ обществѣ, обнаружившееся и на настроеніи учащихся, не говоря уже о первыхъ годахъ двадцатаго столѣтія, когда обнаружались въ польскомъ обществѣ всѣ признаки открытаго броженія, перешедшаго въ 1904—1905 году въ явное возмущеніе, отчасти напоминавшее 1862—1863 годы. Надобно еще прибавить къ этому, что съ 1893 года въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа начали открываться общежитія для учениковъ, съ которыми для учебнаго персонала гимназій, особенно для директоровъ и инспекторовъ, соединены были, кромѣ трудовъ и работъ учебно-воспитательнаго и дисциплинарнаго характера, заботы хозяйственныя и попеченіе о воспитанникахъ, ввѣренныхъ родителями гимназіи, отвѣтственность гимназіи за умственное и нравственное воспитаніе ихъ, а равно и за ихъ физическое развитіе и здоровье. Такая дѣятельность требовала не только напряженія всѣхъ силъ, но прямо самоот-

реченія: многоразличныя заботы объ учебномъ заведеніи и учащихся требовали огромной затраты силъ, энергіи, труда, поглощавшаго не менѣе 16—18 часовъ въ сутки, кромѣ того,—нравственнаго напряженія, безпокойства и часто волненій и даже потрясеній.

По возвращеніи съ Вѣнской выставки въ Петроковъ, я простился съ своими милыми товарищами и, послѣ скромнаго напутствія ими меня хлѣбомъ и солью, отправился къ мѣсту моего новаго служенія въ г. Радомъ, куда и прибылъ въ началѣ августа, такъ какъ пріемные экзамены въ то время начались 8—15 августа.

Переѣздъ изъ Петрокова въ Радомъ не былъ особенно удобенъ и пріятенъ. Радомъ въ то время находился въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, онъ находился почти въ 100 верстахъ отъ Варшавы, и между Радомомъ и Варшавою циркулировали два раза въ день почтовые омнибусы. На пробѣгъ небольшого сравнительно пространства, въ 94 версты, омнибусы употребляли не менѣе 12 часовъ, а при неблагоприятныхъ условіяхъ, въ распутицу, весною и осенью, а также зимою во время глубокихъ снѣговъ, употребляли на этотъ пробѣгъ сутки, и даже болѣе сутокъ, при чемъ случались эпизоды въ родѣ поломки колесъ и осей. При такого рода сюрпризахъ пассажирамъ приходилось часто не только выходить изъ экипажа и идти пѣшкомъ, но и помогать ямщикамъ вытаскивать завязшіи въ грязи омнибусъ допотопной конструкціи, съ которымъ не въ состояніи были справиться измученныя и довольно тощія почтовые клячи; а если совокупныя усилія почтовыхъ клячъ, ямщиковъ и доброжелательность и услужливость почтовому вѣдомству пассажировъ не въ состояніи были сдвинуть экипажъ съ мѣста или происходила серьезная аварія, въ родѣ поломки колесъ и осей, то пассажиры спокойно влѣзали въ почтовый ковчегъ и дремали и даже оставались среди дороги на ночлегъ, до прибытія резервовъ и вспомогательныхъ силъ съ ближайшей почтовой станціи. Въ первое мое путешествіе изъ Варшавы въ Радомъ не произошло никакихъ аварій, но все же путешествіе не оставило во мнѣ пріятныхъ впечатлѣній. Не произвелъ впечатлѣнія и Радомъ.

Этотъ городъ принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Царства Польскаго. Основаніе Радома относится къ 1364 г. При раздѣленіи Царства Польскаго на воеводства, онъ былъ назначенъ сперва воеводскимъ, а потомъ губернскимъ городомъ; остался онъ губернскимъ городомъ и съ образованіемъ въ Цар-

ствѣ Польскомъ десяти губерній. По учебникамъ географіи Радомъ значитса лежащимъ при сліяніи рѣкъ Млечной и Радомки. Дѣйствительно, оба эти ручейка существуютъ и даже нѣжно огибають старый Саксонскій садъ, который вслѣдствіе этого кажется лежащимъ, какъ-бы на островѣ; но называть эти ручейки рѣками и даже рѣчками не будетъ соотвѣтственно природѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ,—Млечная присвоила себѣ никоимъ образомъ не могущее принадлежать ей наименованіе, такъ какъ она течетъ не млекою, а попадающими въ нее изъ городской канализаціи нечистотами, которыя отравляютъ ее, и она заражаетъ воздухъ до того, что старый тѣнистый Саксонскій садъ сдѣлался, благодаря сосѣдству рѣчки Млечной, непосѣщаемымъ публикою, и онъ стоитъ въ запустѣніи, а мѣстомъ прогулки городской публики служитъ новый садъ. Этотъ садъ устроенъ первымъ, послѣ раздѣленія Царства Польскаго на десять губерній, радомскимъ губернаторомъ Дмитриемъ Гавриловичемъ Анучинымъ. Въ первые годы своего существованія садъ не давалъ никакой тѣни и по справедливости носилъ названіе „Кристалнаго“, т.-е. прозрачнаго сада; даже въ годъ прибытія моего въ Радомъ онъ былъ еще очень молодъ; но онъ былъ великъ, прекрасно распланированъ, уходъ за нимъ былъ образцовый, вслѣдствіе этого онъ быстро разросался и въ настоящее время служитъ не только достопримѣчательностію Радома, но не уступаетъ по распланировкѣ, богатству растительности, варшавскому Саксонскому саду. На одной изъ уединенныхъ аллей Анучинымъ устроены искусственныя развалины замка королевы Боны; впоследствии разведены въ саду чудныя клумбы цвѣтовъ и плантаціи розъ. Такъ какъ садъ обязанъ своимъ возникновеніемъ губернатору Анучину, то естественно, что городъ желалъ присвоить саду имя основателя его; но Анучинъ, по своей скромности, отъ этой чести уклонялся. Однажды, въ отсутствіе губернатора Анучина, члены ратуши города Радома, по инициативѣ вице-губернатора Фрибеса, постановили назвать садъ „Анучинскимъ“, и просить согласія губернатора на присвоеніе саду его имени, и, не дожидаясь возвращенія губернатора изъ отпуска, заказали металлическую доску съ надписью рельефными буквами „Анучинскій садъ“ и таковую торжественно водрузили надъ входомъ въ садъ. Какой-то шутникъ ночью сбилъ на табличкѣ букву с и образовалась надпись: „Анучинскій адъ“. Отъ этого казуса городское управленіе переконфузилось, сняло табличку и уже болѣе не настаивало на присвоеніи саду имени основателя его,

и садъ слыветъ въ общежитіи подъ наименованіемъ „Новаго городского сада“; а напоминаніемъ о полезной для города дѣятельности губернатора Дмитрія Гавриловича Анучина служитъ присвоеніе одной изъ лучшихъ въ городѣ новыхъ улицъ, идущей параллельно саду, названія—„Дмитріевская улица“.

Я нѣсколько уклонился отъ описанія внѣшняго вида города Радома. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Радомъ былъ, несмотря на свою древность, довольно посредственнымъ городомъ. За исключеніемъ зданія губернскаго правленія, городской ратуши и по-Бернардинскаго костела, въ немъ не было выдающихся зданій, ни общественныхъ, ни частныхъ. Городъ ютился, главнымъ образомъ, въ старой своей части, на Валовой улицѣ и на Старомъ мѣстѣ. Вполнѣ застроенными улицами были: площадь, гдѣ находились гимназія и ратуша, и Рванская, очень узкая и невзрачная улица, застроенная, большею частію, трехъэтажными домами и на которой находится не представляющій изъ себя ничего интереснаго приходскій фарный костелъ. Параллельной Рванской улицѣ и площади Рынокъ была не вполнѣ застроенная и довольно обильная садами Московская улица, а перпендикулярной къ ней Варшавская улица, на которой находилось зданіе клуба съ залой, служившей для заѣзжихъ труппъ театровъ, съ миниатюрной и убогой сценкой. Продолженіемъ Рванской улицы, упиравшейся въ площадь, на которой находилась мраморная статуя Божіей Матери и бернардинскій костелъ, была самая лучшая въ Радомѣ улица—Люблинская, простиравшаяся до прекраснаго зданія губернскаго правленія, предъ которымъ и былъ разбитъ новый садъ; но Люблинская улица не вся была застроена: значительная часть ея была загорожена заборомъ, за которымъ шли огороды и даже хлѣбныя поля, такъ что городъ не лишенъ былъ сельскаго идиллическаго характера. Вообще городъ издавна имѣлъ склонность ютиться въ старой своей части, за гимназію, на такъ называемомъ Старомъ Мѣстѣ. Во времена стародавнія мѣстность выше гимназіи находилась внѣ городской стѣны, такъ что отъ Старо-Краковской улицы гимназія примыкаетъ къ одному изъ крѣпостныхъ фортвовъ, и стѣна этого форта послужила даже фундаментомъ для одного изъ гимназическихъ флигелей, вслѣдствіе чего стѣны въ этой части гимназическаго флигеля достигаютъ четырехъ съ половиною аршинъ ширины. Со стороны двора гимназія примыкаетъ къ Валовой улицѣ, на мѣстѣ которой въ бывшее время находился крѣпостной валъ. Этотъ районъ города, видимо, былъ главнымъ пунктомъ исторической жизни Радома. Подтверженіемъ этого слу-

жать слѣдующіе факты, относящіеся къ топографіи гимназической территоріи. Когда во дворѣ гимназіи въ 1891 году строился обширный гимназическій залъ, то фундаменты пришлось углублять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до семи аршинъ, при чемъ на глубинѣ трехъ аршинъ найдена была сплошная булыжная мостовая, положенная на болотистой почвѣ; ниже мостовой найдены остатки засыпаннаго колодца, водосточныхъ деревянныхъ жолобовъ и остатки сруи и части скелета, безъ сомнѣнія, когда-то утонувшей въ этой мѣстности лошади. Существуетъ преданіе, что направленіе городу, отъ нижней, нездоровой мѣстности въ старой части его, къ болѣе возвышенной и болѣе здоровой мѣстности, въ сторону Люблинскаго шоссе, указано Императоромъ Александромъ I, который повелѣлъ построить присутственные мѣста, нынѣ зданіе губернскаго правленія, почти въ верстѣ отъ черты тогдашняго города, вслѣдствіе чего городъ началъ застраиваться въ этотъ направленіи; но весьма медленно, такъ какъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ, какъ было упомянуто выше, на Люблинской улицѣ находились пустоши, огороженные длинными заборами мѣста. Несмотря на то, что въ Радомѣ не было красивыхъ зданій и выдающихся улицъ, городъ этотъ не лишенъ былъ нѣкоторыхъ достоинствъ: на главныхъ улицахъ тротуары были мраморные. Близость къ-лецкихъ мраморныхъ каменоломенъ позволяла городу пользоваться этою роскошью; мостовыя были исправныя; на Люблинской и Вальной улицахъ Анучинымъ была устроена канализація, которой въ то время не было еще даже въ Варшавѣ, вслѣдствіе чего города Царства Польскаго отличались неопрятнымъ видомъ и антисанитарными условіями жизни. Къ сожалѣнію, устроенная Анучинымъ канализація не была окончена и прошла только по главной Люблинской улицѣ и по Валу, населенному евреями, который по скученности населенія, по антисанитарнымъ условіямъ жизни обитателей его и беспорядочности постройки домовъ, превосходитъ знаменитое Старое Мѣсто въ Варшавѣ.

Выше было упомянуто, что въ Радомѣ, за исключеніемъ зданія губернскаго правленія, не было выдающихся сооружений. Послѣ губернскаго правленія, самымъ обширнымъ зданіемъ было зданіе мужской гимназіи, выходившее фронтомъ на три улицы: Рынокъ, Старо-Краковскую и Вальную. Зданіе это имѣетъ свою исторію: оно принадлежало монахамъ піарскаго ордена, посвятившаго себя образованію юношества, которые поселились въ Радомѣ въ 1682 году. На первыхъ порахъ піары

не имѣли въ Радомѣ ни костела, ни достаточнаго помѣщенія; но нѣкто Мартынъ Вонсовичъ изъ Смогоржева пожертвовалъ имъ значительныя, по тогдашнему времени, капиталы и свои дома въ Радомѣ, которые были перестроены, соединены вмѣстѣ и образовали зданіе нынѣшней гимназіи. Часть зданія отъ Рынка нѣсколько разъ перестраивалась и приспособлялась къ нуждамъ учебнаго дѣла, а зданіе отъ Старо-Краковской улицы и флигеля отъ Валовой оставались въ томъ же видѣ, какъ были при піарахъ. Въ этой части зданія гимназіи отъ Старо-Краковской улицы были монастырскія келіи, почему самое зданіе имѣло присущій всѣмъ такимъ зданіямъ характеръ: широкій во всю длину зданія коридоръ, съ примыкающими къ нему небольшими келіями; въ коридорѣ и въ келіяхъ потолокъ былъ со сводами, стѣны массивныя. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ эта часть зданія пришла въ такую ветхость, что угрожала паденіемъ, почему учебное начальство, по требованію административныхъ властей, рѣшило ее снести и исходатайствовано было 800 р. на разборку зданія,—съ отдачею подрядчику матеріаловъ отъ скола его. По счастью, директору гимназіи В. Ѡ. Маркіановичу пришла въ голову практичная мысль: вмѣсто того, чтобы уплатить подрядчику 800 р. за разборку зданія, употребить эту сумму на ремонтъ его: устройство желѣзной крыши, вмѣсто грозившей паденіемъ черепичной крыши, и произвести необходимыя исправленія стѣнъ. Зданіе было исправлено и въ теченіе тридцатилѣтняго пребыванія моего въ Радомѣ стояло исправно и перестраивалось и приспособлялось для нуждъ гимназіи. Таково свойство старинныхъ построекъ, въ которыхъ стѣнная кладка, съ теченіемъ времени, обращается въ гранитъ и частичныя поврежденія въ зданіи не грозятъ его цѣлости.

При описаніи зданія Радомской гимназіи я не упомянулъ, что при ней находился пристроенный къ главному зданію со стороны двора довольно обширный костелъ. Зданіе костела, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, было передано на нужды учебнаго дѣла. Въ годъ прибытія моего въ Радомѣ совершались еще богослуженія въ этомъ костелѣ, а находящійся на колокольнѣ небольшой колоколъ сзывалъ учащихся по утрамъ на уроки. Костелъ былъ небогатый и не выдающійся внутреннимъ убранствомъ; къ нему была пристроена ризница, въ которой хранились въ двухъ стеклянныхъ ящикахъ нетлѣнныя тѣла двухъ младенцевъ. Вся церковная утварь и принадлежности ризницы были переданы римско-католической духовной власти, а самый

костелъ раздѣленъ на два этажа; въ верхнемъ этажѣ устроенъ актовый залъ и библіотека, а въ нижнемъ этажѣ физическій кабинетъ и ученическая сборная. Ризница по ветхости и вслѣдствіе того, что она затемняла свѣтъ въ зданіи гимназіи, была разобрана. Зданіе гимназіи, несмотря на то, что оно нѣсколько разъ перестраивалось, не было вполнѣ приспособлено для нуждъ учебнаго дѣла. Въ большинствѣ классы были довольно помѣстительные и высокіе; классы отапливались, но коридоры были холодные, и ученики, выходя изъ душныхъ классовъ, простуживались. Вентиляція въ классахъ была неудовлетворительная, примитивная, посредствомъ форточекъ.

До 1883 года гимназіи Варшавскаго учебнаго округа не пользовались спеціальными средствами и эти средства шли въ казну, а отпускаявшихся отъ казны 2.000 руб. на всѣ хозяйственные расходы, считая отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги и проч., едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей гимназіи и не могло быть и рѣчи о ремонтныхъ работахъ и приспособленіи зданія для нуждъ учебнаго дѣла. Съ 1883/84 уч. г., когда гимназіямъ были дарованы спеціальныя средства, явилась возможность производить и въ Радомской гимназіи необходимый ремонтъ и перестройки.

Покончивъ съ описаніемъ Радома и зданія Радомской мужской гимназіи, я, придерживаясь плана моихъ воспоминаній, долженъ охарактеризовать то общество, среди котораго мнѣ пришлось жить, педагогическій персоналъ Радомской гимназіи, господствовавшіе въ заведеніи порядки и отдѣльные эпизоды изъ моей служебной практики; но признаюсь, что изобразить все это въ извѣстной степени будетъ для меня крайне затруднительно въ виду продолжительности службы моей въ Радомѣ, обнимающей тридцатилѣтній періодъ времени съ 1873 по 1903 г. Въ теченіе этого періода времени предо мною прошла длинная галлерейя лицъ, учебныхъ сплетенъ, отдѣльныхъ эпизодовъ, такъ что систематическое изложеніе всего пережитаго мною въ Радомѣ было бы слишкомъ утомительно, поэтому я коснусь только болѣе характерныхъ личностей и болѣе выдающихся фактовъ и эпизодовъ изъ моей практической дѣятельности и изъ окружавшей меня среды, не придерживаясь строго ни хронологической послѣдовательности, ни опредѣленной системы, и при томъ изложу болѣе или менѣе послѣдовательно только событія за время службы моей съ 1873 по 1883 годъ; изъ событій же за время съ 1883 по 1904 годъ выберу болѣе интересныя и изложу ихъ въ видѣ

отдѣльныхъ эпизодовъ, о чемъ будетъ болѣе подробно разъяснено въ надлежащемъ мѣстѣ.

Послѣ жизнерадостнаго Петроковскаго, преимущественно русскаго, общества, радомское общество произвело на меня удручающее впечатлѣніе, особенно въ первые годы моей службы, когда русское общество было очень малочисленно и когда нѣкоторыя учрежденія сплошь состоятъ изъ однихъ чиновниковъ польскаго происхожденія, какъ, на примѣръ, радомскій трибуналъ или столь обширное учрежденіе, какъ казенная палата, въ которой почти изъ 70 служащихъ былъ всего одинъ русскій чиновникъ, за исключеніемъ управляющаго палатою. Польское общество еще менѣе сходилось съ русскимъ, нежели въ Петроковѣ, и единственнымъ мѣстомъ, гдѣ сходились польское и русское общество, былъ обывательскій клубъ (*Resursa Obywatelska*). Тѣмъ болѣе, что въ одномъ и томъ же зданіи помѣщались два собранія: военное собраніе и обывательскій клубъ, при чемъ одно собраніе занимало правое крыло зданія, а другое лѣвое, при общей залѣ, въ которой происходили торжественныя собранія, семейные вечера, а также спектакли заѣзжихъ труппъ, концерты и проч. Кромѣ общественнаго собранія, былъ еще одинъ семейный домъ, въ которомъ охотно и радушно принимали всѣхъ, кто желалъ познакомиться съ гостепріимными хозяевами этого дома—съ полковымъ командиромъ 26 пѣхотнаго Могилевскаго полка Станиславомъ Францевичемъ Карницкимъ и его супругою. Позднѣе, когда русскій чиновный міръ разросся, увеличилось число домовъ, болѣе или менѣе открытыхъ, но все же польское и русское общество сходились еще болѣе туго, нежели въ Петроковѣ. Въ теченіе моей службы въ Радомѣ я бывалъ только въ двухъ польскихъ домахъ, при чемъ и при такомъ ограниченномъ числѣ польскихъ домовъ, посѣщаемыхъ мною, не обошлось безъ курьеза. Однажды мнѣ пришлось быть въ одномъ домѣ, гдѣ въ числѣ гостей былъ ксендзъ Г—кій, человѣкъ очень преклоннаго возраста, считавшійся польскою знаменитостью, какъ мѣстный писатель-археологъ. Когда вошелъ въ залъ Г—кій, началось взаимное представленіе и хозяинъ назвалъ Г—ому мою фамилію. Услышавъ русскую фамилію, Г—кій, не ожидавшій появленія въ польскомъ домѣ москаля, выразилъ на своемъ лицѣ удивленіе настолько ясно, что хозяинъ замѣтилъ это и постыжился успокоить знатнаго гостя, шепнувъ ему на ухо: „Русскій, но очень хорошій человѣкъ (*Rossianin, alex bardzo rogzoprny czlowek*), при чемъ въ виду того, что Г—кій былъ глуховатъ, эта аттестація была сказана настолько не очень тихо:

что я слышалъ ее. Такія рекомендаціи не могли, конечно, способствовать сближенію польскаго и русскаго общества, тѣмъ болѣе, что появленіе русскаго гостя въ польскомъ обществѣ вызывало потребность употребленія въ разговорѣ русской рѣчи, такъ какъ многіе русскіе не говорили по-польски—одни по незнанію этого языка, другіе изъ принципа. Я, напримѣръ, изъ принципа никогда не говорилъ по-польски, ибо я понималъ, что моя задача, какъ учителя русскаго языка,—способствовать распространенію знакомства съ русскимъ языкомъ не только учащихъ, но и всѣхъ лицъ, которыя будутъ со мною соприкасаться; но я никогда не относился къ осуществленію этого принципа фактически: даже въ бытность директоромъ гимназіи я принималъ словесныя объясненія со мною на польскомъ языкѣ и при отвѣтахъ старался говорить по-русски просто и доступно пониманію просителя. Но въ Радомѣ не всѣ русскіе чиновники придерживались этого принципа, очень многіе говорили съ ампломомъ по-польски, даже и въ то время, когда это вовсе не требовалось по характеру бесѣды. Въ Радомѣ, какъ было упомянуто выше, не было русскаго клуба, а былъ польскій обывательскій клубъ, большинство членовъ котораго и всѣ старшины клуба были поляки. Можно считать любезностью, если въ польскомъ клубѣ и среди польскаго кружка одинъ русскій будетъ говорить по-польски, но нельзя признать любезностью и даже тактичностью, когда при игрѣ въ карты трехъ русскихъ и одного поляка, при чемъ полякъ—молодой учитель гимназіи, окончившій русскій университетъ, а изъ трехъ русскихъ одинъ старый генералъ, начальникъ дивизіи, а два другихъ чиновныя лица, занимающія начальническіе посты,—этотъ одинъ полякъ говоритъ по-польски, а почтенные русскіе чиновники ради него коверкаютъ польскую рѣчь и говорятъ по-польски. Въ Петроковѣ такія явленія не практиковались. Кохановъ слѣдилъ за такими явленіями достаточно зорко. Возникающія на почвѣ языка явленія, а главнымъ образомъ интенсивность польскаго населенія Радомской губерніи, болѣе чуткаго въ отношеніи проявленія національныхъ чувствъ, нежели смѣшанное населеніе Петроковской губерніи, способствовали, конечно, въ сильной степени тому, что польское и русское общество жили совершенно разъединенно, да и русское общество было мало сплочено, такъ какъ не было такого объединяющаго общества административнаго лица, какимъ былъ для Петрокова Кохановъ.

Радомскій губернаторъ *Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ* и по характеру, по уму и образованію былъ въ полномъ смыслѣ этого

слова кабинетный человекъ, очень скромный, любившій науку и предававшійся ученымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ. Имъ составленъ весьма важный для науки трудъ: „Статистическій атласъ Царства Польскаго“. Это огромныхъ размѣровъ фоліантъ, напечатанный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и мало доступный широкой публикѣ, какъ по своей специальности, такъ и по цѣнѣ, равнявшейся ста рублямъ. Кромѣ „Атласа“, Анучинымъ напечатано значительное число статей, въ повременныхъ изданіяхъ, касающихся событій въ Царствѣ Польскомъ, участникомъ и свидѣтелемъ которыхъ былъ и онъ, какъ, напр., статья: „Закрытіе римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ“ и др. Свидѣтельствомъ любви Анучина къ наукѣ и литературѣ служила его довольно обширная библіотека, которую онъ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій въ Турцію въ 1877—1878 г., роздалъ чиновникамъ своей канцеляріи. Въ отношеніи къ мѣстному польскому обществу онъ держался политики—не раздражать поляковъ слишкомъ рѣзкими проявленіями дѣйствій русскихъ административныхъ властей, сглаживать шероховатости и недоразумѣнія, возникающія при взаимныхъ столкновеніяхъ, и не относиться пренебрежительно къ губернской польской аристократіи. Вслѣдствіе такой политики Анучина, многіе русскіе шовинисты считали его чуть не полякующимъ; но мѣстное населеніе умѣло цѣнить такое отношеніе къ нему, и когда Анучинъ оставилъ постъ радомскаго губернатора для отправленія на театръ военныхъ дѣйствій въ Турцію, ему были устроены пышные проводы и торжественный прощальный обѣдъ, на который, кромѣ городскихъ представителей, съѣхалось польскихъ помѣщиковъ и магнатовъ такое количество, что многимъ пришлось отказаться въ участіи въ обѣдѣ, такъ какъ помѣщеніе мѣстнаго клуба могло вмѣстить въ своихъ стѣнахъ только 240 человекъ за обѣденными столами. Представительности и помпы Анучинъ не любилъ: онъ рѣшительно не допускалъ поздравленій съ новымъ годомъ, праздникомъ Пасхи и семейными его праздниками и т. д., даже не практиковался обычай поздравленія его, какъ представителя высшей власти въ губерніи, съ высокоторжественными днями въ царскіе праздники, не было и посѣщенія имъ торжественныхъ царскихъ молебствій въ храмахъ инославныхъ исповѣданій; даже не практиковался, къ соблазну очень многихъ русскихъ людей, обычай приглашать въ Пасху на разговѣнье чиновниковъ и православныхъ обывателей города. Былъ у Анучина небольшой избранный кружокъ близкихъ лицъ, которыя собирались у него по воскресенію.

ніямъ, но никакихъ большихъ собраній, баловъ и т. п. не бывало. Семейство его состояло изъ жены, женщины не молодой, и взрослой дочери, такъ же скромныхъ, какъ глава семьи, и двухъ сыновей, воспитывавшихся въ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ. Даже и въ то время, когда дочь Анучина, золотоволосая, но начавшая съ юношескихъ лѣтъ сѣдѣть, подобно отцу, Елизавета Дмитриевна Анучина была объявлена невѣстой одного офицера генеральнаго штаба, служившаго въ мѣстныхъ войскахъ, въ домѣ Анучина не было особеннаго оживленія. Все это, конечно, не могло способствовать оживленію и сближенію радомскаго общества.

Не внесъ оживленія въ радомское общество и преемникъ Анучина, губернаторъ князь *Василій Михайловичъ Доморукъ*, но при немъ общественная жизнь еще болѣе замерла: князь Долгоруковъ ни съ кѣмъ изъ радомскаго общества, кромѣ двухъ-трехъ русскихъ семействъ, не сходилъ; къ мѣстнымъ чиновникамъ, даже не подчиненныхъ ему вѣдомствъ, относился начальственно: когда однажды въ большомъ обществѣ предсѣдатель окружнаго суда, почтенный, но неосторожный на языкъ Э. Э. Вендрихъ вздумалъ порицать, въ присутствіи директора гимназіи Маркіановича, классическую систему образованія и слегка подшучивать надъ классиками и надъ самимъ Маркіановичемъ, какъ начальникомъ классической гимназіи, узнавшій объ этомъ инцидентѣ князь Долгоруковъ пригласилъ къ себѣ Вендриха и поставилъ ему на видъ, что онъ подрываетъ правительственную систему образованія, установленную Высочайше утвержденнымъ уставомъ классическихъ гимназій, роняетъ престижъ представителя русской власти въ учебномъ заведеніи, и дѣло раздулъ такъ, что оно дошло до свѣдѣнія генераль-губернатора и приняло такой оборотъ, что Вендриху угрожалъ или переводъ изъ Радомы или извиненіе предъ Маркіановичемъ. Вендрихъ предпочелъ послѣднее, и нашумѣвшее пустое дѣло уладилось благополучно для Вендриха; но показало ему кн. Долгорукова и его стремленіе держать въ подчиненіи себѣ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и во все вникать. Вообще князь Долгоруковъ старался держать себя высокомерно, а между тѣмъ въ интимномъ кругу и среди избраннаго общества онъ былъ необыкновенно простъ и милъ въ обращеніи. Что касается административной дѣятельности, то князь Долгоруковъ, кажется, думалъ, что онъ способенъ обрушить Радомскую губернію; но вся дѣятельность его свелась только къ тому, что при немъ, дѣйствительно, увеличилось число русскихъ чиновниковъ въ губерніи, особенно по мини-

стерству внутреннихъ дѣлъ, да держалъ онъ себя въ губерніи грозно, особенно въ отношеніи польскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ, не исключая и магнатовъ, которымъ онъ не позволялъ зазнаваться и игнорировать престижъ русской власти и правительственныхъ постановленій. По самой внѣшности своей князь Долгоруковъ способенъ былъ imponировать, а на подчиненныхъ нагонять страхъ и трепеть: онъ имѣлъ важную и даже величественную осанку, былъ высокаго роста. рѣчь его отличалась отрывочностью и авторитетностью.

Хотя перемѣщеніе князя Долгорукова изъ Радома въ Екатеринославъ было нѣкоторымъ повышеніемъ, но пребываніе его въ Екатеринославѣ было непродолжительно, и представилась необходимость перемѣстить его изъ земской губерніи въ неземскую, Витебскую губернію, вслѣдствіе столкновенія его съ предводителемъ дворянства Екатеринославской губерніи Алексѣевымъ. Несмотря на то, что по прибытіи князя Долгорукова въ Екатеринославскую губернію, его встрѣчали торжественно, съ устройствомъ арокъ и поднесеніемъ хлѣба-соли, но онъ вскорѣ оттолкнулъ отъ себя представителей мѣстнаго чиновничества и мѣстнаго дворянства, къ которымъ онъ началъ относиться съ тѣмъ же режимомъ, какой практиковался имъ въ Радомѣ. Но здѣсь его встрѣтило разочарованіе. Дворянство не дало себя въ обиду и довольно громко выразило князю невниманіе къ нему. Когда въ теченіе сессіи дворянскаго собранія между княземъ и дворянами произошло нѣсколько столкновеній на почвѣ взаимныхъ отношеній губернатора и дворянства, то дворяне дали князю возможность наглядно убѣдиться въ игнорированіи ими его авторитета: они на послѣднемъ засѣданіи не встали съ своихъ мѣсть при входѣ князя въ залъ Потемкинскаго дворца, гдѣ происходили собранія, и хотя князь отплатилъ имъ тѣмъ же—объявивъ сессію засѣданій закрытою, онъ вышелъ изъ залы, никому не поклонившись, о чемъ онъ рассказывалъ мнѣ, когда я гостилъ у него въ Екатеринославѣ; но все же не предводителю дворянства, а ему пришлось уступить и оставить Екатеринославъ.

Дѣятельность князя Долгорукова въ Радомѣ не ознаменована ничѣмъ особеннымъ, поэтому меня интересовало, какова была его дѣятельность въ Екатеринославѣ, какъ отнеслось къ нему мѣстное населеніе и какъ оно смотрѣло на его дѣятельность, и я вступалъ по этому поводу въ бесѣду съ различными слоями населенія, какъ при посѣщеніи Екатеринослава, въ бытность князя екатеринославскимъ губернаторомъ, такъ и позднѣе,

при поѣздкѣ на днѣпровскіе пороги. И отъ всѣхъ я встрѣчалъ самыя лестныя отзывы о его дѣятельности. Престарѣлый епископъ екатеринославскій рассказывалъ мнѣ, что только при Долгоруковѣ онъ можетъ спать спокойно, а раньше подъ окнами его квартиры происходили постоянныя драки, крики и пѣсни (квартира его была въ нижнемъ этажѣ). Всѣ единогласно жаловались на страшное воровство въ городѣ, грабежъ на улицахъ, а еще болѣе на возмутительный грабежъ полиціи, взяточничество чиновниковъ. До князя Долгорукова губернія была распущена. Долгоруковъ принялъ строгія и рѣшительныя мѣры противъ уличныхъ грабежей: весь городъ былъ раздѣленъ на участки, на всѣхъ углахъ улицъ, на опредѣленныхъ пунктахъ, установлены были ночныя дежурства полицейскихъ и дворниковъ, для чего на углахъ улицъ помѣщены были таблицы съ обозначеніемъ часовъ дежурства, номера поста и дежурнаго сторожа. Дежурства ночныхъ сторожей и полиціи, и правильность отбыванія ихъ повѣрялъ иногда и самъ князь. Рассказывали, что для этой цѣли онъ иногда переодѣвался, обходилъ городъ и посѣщалъ съ своей свитой сомнительныя въ какомъ-либо отношеніи мѣста, и что однажды было столкновеніе его свиты съ мѣстными хулиганами. Особенно крутыя мѣры предприняты были имъ противъ поборовъ полиціи; обыватели, особенно крестьяне и торговцы, съ признательностью къ князю рассказывали, что при немъ они были избавлены отъ притѣсненій полиціи. Всѣ сожалѣли, когда князь былъ переведенъ въ Витебскъ.

Коснувшись вопроса о томъ, что радомскіе губернаторы Анучинъ и князь Долгоруковъ не внесли оживленія въ радомское общество, я нѣсколько уклонился въ сторону, занявшись характеристикой князя Долгорукова. Продолжаю намѣченную тему. Изъ шести радомскихъ губернаторовъ, моего времени, только губернаторъ М. А. Майневскій съ своей милою, гостепріимною женою Маріей Львовной, не избѣгали открытаго образа жизни и устраивали большіе приемы и балы, да еще губернаторъ Иванъ Григорьевичъ Подгородниковъ, время отъ времени, устраивалъ званые обѣды, на которые, впрочемъ, былъ приглашаемъ избранный кружокъ представителей мѣстной администраціи.

Вице-губернаторъ, служившій при Анучинѣ и кн. Долгоруковѣ, Александръ Викентьевичъ Фрибесъ, полякъ по происхожденію, но женатый на русской, тоже не могъ содѣйствовать сближенію и оживленію общества; но этотъ послѣдній уже не по своему характеру, жизнерадостному и галантному, но часто

по семейнымъ обстоятельствамъ: жена его, женщина не молодая, была предана ученымъ занятіямъ, мало оставлявшимъ ей свободнаго времени не только для пріемовъ, но и для надзора за собственнымъ, довольно многочисленнымъ семействомъ. Одна изъ дочерей ея превзошла мать если не въ учености, то въ литературномъ талантѣ, и еще, будучи молодою дѣвицею, во время службы ея отца въ Радомѣ, написала романъ, въ которомъ были выведены типы изъ мѣстнаго чиновничества; судьба этого романа *mademoiselle* Фребесъ мнѣ не извѣстна; но впоследствии она, въ бытность въ Петербургѣ, послѣ смерти отца, проявила литературный талантъ и писала и подъ псевдонимомъ И. А. Даниловъ; одну изъ повѣстей своихъ: „У тихой пристани“ она препроводила мнѣ, при собственноручной надписи.

Къ представителямъ мѣстнаго общества принадлежалъ еще начальникъ артиллерійской бригады генераль-маіоръ И. К. Поставскій, собиравшій у себя небольшой кружокъ, преимущественно военное общество. Душою обширнаго круга знакомыхъ былъ военный священникъ Николай Матвѣевичъ Павловъ. Будучи вдовымъ священникомъ и одинокимъ, онъ, конечно, сильно скучалъ и весьма охотно бывалъ въ обществѣ и радушно принималъ у себя, время отъ времени, своихъ сослуживцевъ и друзей. Отецъ Павловъ былъ человекъ безкорыстный. Онъ готовъ былъ отдать просящему у него послѣднюю копейку. Когда однажды одинъ изъ сослуживцевъ его по воинской части просилъ его одолжить ему для покрытія растраты, на время ревизіи, 750 р., то Павловъ, имѣя всего 710 рублей денегъ, отдалъ просившему у него 700 р., оставилъ себѣ на расходы 10 р. и очень извинялся, что не можетъ больше дать. Когда же одолжившій у о. Павлова деньги объ отдачѣ ихъ забылъ и никогда не вспоминалъ о долгѣ и за тѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя былъ въ Петербургѣ, гдѣ въ то время находился на службѣ отецъ Павловъ, и не посѣтилъ его, то Павловъ очень былъ огорченъ этимъ и съ сожалѣніемъ рассказывалъ, какой Н не добрый человекъ, былъ въ Петербургѣ и не зашелъ къ нему повидаться: что ему долгъ не нуженъ, а ему пріятно было бы повидаться съ прежнимъ сослуживцемъ, закутить, побесѣдовать и сыграть пульку.

Но, будучи самъ безкорыстнымъ, отецъ Николай не терпѣлъ хищничества, казнокрадства и, не стѣсняясь, громко поносилъ виновныхъ. Въ войсковой части, гдѣ служилъ Павловъ, соблюдалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ большая экономія и, изъ корыстныхъ видовъ, умершихъ солдатъ клали въ гробъ безъ уста-

новленнаго комплекта одежды, прикрывъ покойника грубымъ полотномъ. Когда однажды, во время отпѣванія солдата, въ церковь зашелъ начальникъ войсковой части умершаго, то о. Павловъ, отдернувши покрывало, обращаясь къ командиру, сказалъ громко: „А солдатикъ-то такъ и предстанеть предъ Господомъ Богомъ голенькій“! Въ войсковой части, гдѣ служилъ Павловъ, было нѣсколько случаевъ денежныхъ злоупотребленій. Застрѣлился, вслѣдствіе денежной растраты, казначей Шихунъ.

Заговоривъ о растратахъ и злоупотребленіяхъ, расскажу,—хотя все изложенное не будетъ находиться въ хронологической послѣдовательности,—разыгравшійся въ Радомѣ громкій процессъ Микишева. Процессъ этотъ касался злоупотребленій при приѣмѣ новобранцевъ. Злоупотребленія исходили изъ двухъ, такъ сказать, лагерей: изъ присутствія по воинской повинности и отдѣлопроизводителя канцеляріи воинскаго губернскаго начальника. Въ первомъ лагерѣ орудовала, при посредствѣ факторовъ еврейчиковъ, жена одного изъ членовъ присутствія по воинской повинности, во второмъ лагерѣ—дѣлопроизводитель канцеляріи воинскаго начальника Микишевъ. Первая процедура велась такъ искусно и скрытно, что дѣянія лицъ этого лагеря не были разоблачены и не сдѣлались предметомъ судебного разбирательства. Здѣсь процедура велась такимъ не хитрымъ способомъ: кто желалъ откупиться отъ воинской повинности, тотъ преподносилъ женѣ упомянутаго выше члена присутствія по воинской повинности подлежащую мзду. Сія дама выдавала просителю, если онъ былъ христіанскаго исповѣданія, извѣстной формы тѣльный крестикъ, а если не христіанскаго—условленнаго цвѣта и формы ленточку на шею съ какимъ-нибудь амулетомъ. Члены присутствія понимали значеніе этихъ эмблемъ и когда начиналось медицинское освидѣтельство новобранца, врачи находили у кандидата множество тѣлесныхъ недостатковъ—и порокъ сердца, и глухоту, и слабость зрѣнія, и проч. болѣзни, препятствующія несенію военной службы, признавали его негоднымъ и освобождали отъ нея. Такія освобожденія производились не часто, но за то мѣтко: приношенія требовались солидныя. Мзда дѣлилась между всѣми солидарными между собою участниками этой операціи.

Дѣлопроизводитель Радомскаго воинскаго губернскаго начальника Микишевъ дѣйствовалъ единолично и, хотя задуманная имъ махинація была очень остроумна, но не могла не обмаружиться, ибо основывалась на письменныхъ документахъ. Существуетъ законъ, что если новобранецъ, имѣющій право поль-

зоваться освобожденіемъ отъ военной службы, взявъ ошибочно, т. е. воинскій начальникъ того присутствія, которое неправильно взяло новобранца, имѣетъ право, по обнаруженіи ошибки, обратиться къ начальнику той воинской части, въ которую неправильно взятый новобранецъ зачисленъ, съ просьбою о возвращеніи такого новобранца въ первобытное состояніе, т. е., объ освобожденіи его отъ военной службы. Ухватившись за этотъ законъ, Микишевъ задумалъ пойти по стопамъ Чичикова и началъ не покупать, по примѣру Гоголевскаго героя, мертвыя души, а продавать за крупныя куши настоящія живыя души солдатиковъ, которые имѣли возможность и средства откупиться отъ военной службы. Обстоятельства для совершенія такой операціи были для Микишева весьма благопріятны: онъ сумѣлъ войти въ довѣріе радомскаго воинскаго начальника полковника Е. Полковникъ Е. былъ человекъ честный, но крайне довѣрчивый и слабого характера. Судьба была немилостива къ нему и посылая ему страшныя испытанія. Онъ былъ Радомскій Іовъ. Въ одинъ годъ погибло двое дѣтей его самою неожиданною и трагическою смертію: сынъ кадетъ, возвращаясь на каникулы къ родителямъ по желѣзной дорогѣ, вышелъ на площадку вагона, свалился съ нея и былъ раздавленъ повозомъ на смерть; вмѣсто сына родителямъ доставили въ Радомъ безформенную массу. Страшно убитые горемъ Е.—іе, похоронивъ сына, выѣхали на дачу въблизи Радома. Старшая дочь Е.—ихъ ежедневно купалась въ рѣчкѣ. Въ одинъ злополучный день, въ виду пасмурной погоды, дочери не хотѣлось идти купаться, но мать настояла, чтобы она не пропускала купанья и шла бы купаться.

Барышня Е. вмѣстѣ съ двумя подругами отправилась купаться. Дѣвицы, взявшись за руки, всѣ трое вошли въ рѣчку, дошли до середины ея, попали на глубокое мѣсто и начали тонуть; двѣ подруги Е.—ской спаслись, а она пошла ко дну и родителямъ снова доставили бездыханный трупъ дочери. Эти несчастія, конечно, нравственно потрясли Е., онъ сдѣлался при своемъ довѣрчивомъ и слабомъ характерѣ еще болѣе довѣрчивымъ и апатичнымъ и отдался въ руки дѣлопроизводителя до того, что не только предоставилъ ему полученіе и распечатываніе почты, но и напередъ подписывалъ десятки бланковъ для текущаго дѣлопроизводства. Эти-то бланки, за подписью воинскаго начальника, и дали Микишеву возможность осуществить задуманную имъ операцію продажи живыхъ душъ. Желая освободить отъ воинской службы хорошо оплаченнаго

СОЛДАТИКА, ОНЪ ПИСАЛЪ ОТЪ ИМЕНИ ВОИНСКАГО НАЧАЛЬНИКА КОМАНДИРУ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ, РАСПОЛОЖЕННОЙ ГДѢ, НИБУДЬ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКѢ ИЛИ ВЯТКѢ, ЧТО НАХОДЯЩІЙСЯ ВО ВВѢРЕННОМЪ ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІУ ПОЛКУ НИЖНІЙ ЧИНЪ ТАКОЙ-ТО, КАКЪ ЯВСТВУЕТЪ ИЗЪ ПРЕДСТАВЛЕННЫХЪ ЕМУ, РАДОМСКОМУ ВОИНСКОМУ НАЧАЛЬНИКУ ДОКУМЕНТОВЪ, ВЗЯТЪ ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ОШИБОЧНО И, НА ОСНОВАНІИ ТАКОЙ-ТО СТАТЬИ, ТАКОГО-ТО РАСПОРЯЖЕНІЯ, ПОДЛЕЖИТЬ ВОЗВРАЩЕНІЮ ВЪ ПЕРВОБЫТНОЕ СОСТОЯНІЕ. ВОИНСКІЙ ЧИНЪ ВОЗВРАЩАЛСЯ, И КЪ МИКИШЕВУ СЪ СЕКРЕТНѢЙШИМЪ ХОДАТАЙСТВОМЪ ОБРАЩАЛИСЬ НОВЫЕ ПРОСИТЕЛИ, ПОДНОСИЛИ ОБИЛЬНУЮ МЗДУ И БЛАГОПОЛУЧНО БЫЛИ ВОЗВРАЩАЕМЫ ВЪ ДОМАШНІЕ ПЕНАТЫ.

ТАКЪ ДѢЛО ПРОДОЛЖАЛОСЬ НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ. МИКИШЕВЪ, ЧЕЛОВѢКЪ ВДОВЫЙ, ИМѢВШІЙ ДѢТЕЙ, ПРОВОДИЛЪ ВЕЧЕРА ВЪ КЛУБѢ, ИГРАЛЪ ВЪ КАРТЫ, ПРОИГРЫВАЛЪ ИНОГДА ДОВОЛЬНО ПОРЯДОЧНЫЕ КУШИ, НО ЕГО ПАРТНЕРЫ СЪ УДОВОЛЬСТВІЕМЪ КЛАЛИ ВЪ КАРМАНЫ ВЫИГРЫШИ, НЕ ДОИСКИВАЯСЬ, ИЗЪ КАКИХЪ СРЕДСТВЪ МИКИШЕВЪ ПРОИГРЫВАЕТЪ. ВРЕМЯ ОТЪ ВРЕМЕНИ МИКИШЕВЪ ДѢЛАЛЪ ПРИЕМЫ, СЪ ОБИЛЬНЫМЪ УГОЩЕНІЕМЪ, ОСОБЕННО ВЪ ИМЕНИНЫ, ПРАЗДНОВАНІЕ КОТОРЫХЪ У НЕГО ПРОДОЛЖАЛОСЬ ДВА ДНЯ ПОДЪ РЯДЪ. НА ИМЕНИНАХЪ У МИКИШЕВА БЫВАЛЪ ПОЧТИ ВЕСЬ ГОРОДЪ. ОДИНЪ РАЗЪ У МИКИШЕВА БЫЛЪ И Я. МЕНЯ ПОРАЗИЛЪ ПРЕКРАСНЫЙ УЖИНЪ, ХОРОШІЯ ВИНА, ОСОБЕННО ОБИЛІЕ ЗАКУСОКЪ И ИКРЫ. ИКРЫ НА СТОЛАХЪ СТОЯЛО ВЪ ВАЗАХЪ ОКОЛО ДЕСЯТИ-ПЯТНАДЦАТИ ФУНТОВЪ, А ТАКЪ КАКЪ ВЪ РАДОМѢ ХОРОШАЯ ИКРА ПРОДАВАЛАСЬ РУБЛЕЙ ПО 6—7 ФУНТЪ, ТО СТОИЛА ОКОЛО СТА РУБЛЕЙ. ВО ВРЕМЯ УЖИНА, СИДЯ РЯДОМЪ СЪ ЖАНДАРМСКИМЪ ПОЛКОВНИКОМЪ, Я ВЫРАЗИЛЪ ПРЕДЪ НИМЪ УДИВЛЕНІЕ, ИЗЪ КАКИХЪ СРЕДСТВЪ МИКИШЕВЪ ИМѢЕТЪ ВОЗМОЖНОСТЬ УСТРАИВАТЬ ПРИЕМЫ. ЖАНДАРМСКІЙ ПОЛКОВНИКЪ ОТВѢТИЛЪ МНѢ, ЧТО У МИКИШЕВА ЕСТЬ БЕЗГРѢШНЫЕ ДОХОДЫ, О КОТОРЫХЪ ИЗВѢСТНО И ЕМУ, И ДРУГИМЪ ВЛАСТЯМЪ, НО ВСѢ НА ЭТИ ДОХОДЫ СМОТРЯТЪ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ, КАКЪ НА ДѢЛО, НЕ ПРИНОСЯЩЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУ УЩЕРБА, И РАЗСКАЗАЛЪ МНѢ СЛѢДУЮЩУЮ ЛЕГЕНДУ: НОВОБРАНЦЫ, УРОЖЕНЦЫ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, НЕ ОСТАВЛЯЮТСЯ ВЪ ПОЛКАХЪ, РАСПОЛОЖЕННЫХЪ ВЪ ИМПЕРІИ. ДЛЯ ГОСУДАРСТВА БЕЗРАЗЛИЧНО, БУДЕТЪ ЛИ ИВАНЪ СЛУЖИТЬ ВЪ МИНСКѢ ИЛИ АРХАНГЕЛЬСКѢ И КУТАИСѢ, НО ДЛЯ НОВОБРАНЦЕВЪ И ИХЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ЭТО НЕ ВСЕГДА БЕЗРАЗЛИЧНО, ПОЭТОМУ РОДНЫЕ ЧАСТО ПРОСЯТЪ О НАЗНАЧЕНІИ НОВОБРАНЦА ВЪ ИЗВѢСТНУЮ ВОИНСКУЮ ЧАСТЬ ИЛИ ДЛЯ СОВМѢСТНАГО СЛУЖЕНІЯ ВЪ ПОЛКУ СЪ ЗЕМЛЯКАМИ ИЛИ ПО ДРУГИМЪ УВАЖИТЕЛЬНЫМЪ ПРИЧИНАМЪ. МИКИШЕВЪ ОКАЗЫВАЕТЪ ПРОСИТЕЛЯМЪ УСЛУГИ ИСПОЛНЕНІЕМЪ ИХЪ ПРОСЬБЫ, И ЗА ЭТО ЕГО, КОНЕЧНО, БЛАГОДАРИЛИ.

Эта легенда показалась мнѣ правдоподобной, тѣмъ болѣе, что мнѣ были извѣстны и другіе аналогичные случаи безгрѣшныхъ доходовъ въ воинскихъ частяхъ, отъ которыхъ казна не терпѣла никакого ущерба. Еще изъ петроковской жизни мнѣ былъ извѣстенъ слѣдующій случай, о которомъ рассказывалъ мнѣ командиръ расположеннаго въ Петроковѣ казачьяго полка С. Казачьи полки въ Царствѣ Польскомъ не пользовались симпатіями мѣстнаго общества; даже расположенныя въ этомъ же городѣ, гдѣ квартировали казаки, другія воинскія части, пѣхота и артиллерія, не особенно сближались съ казаками, и они жили очень изолированно, преимущественно своею семьей. Особенно тяжело было положеніе холостыхъ офицеровъ, поэтому командиромъ С. былъ введенъ порядокъ, что холостые офицеры ежедневно обѣдали у него и почти ежедневно вся казачья семья собиралась у него по вечерамъ. На приемы, хотя и очень скромные, нужны были средства, а жалованье командира казачьяго полка было небольшое, да и при томъ у С. было большое семейство. Въ объясненіе своего матеріальнаго положенія и сопряженныхъ съ его постомъ расходовъ, полковникъ С. рассказывалъ мнѣ, въ присутствіи другихъ гостей, что приемы онъ дѣлаетъ не изъ жалованья, но изъ казенныхъ средствъ, которыя онъ у казны не крадетъ, но которыя умѣетъ съэкономить ховяйственнымъ способомъ. Въмѣсто того, чтобы пріобрѣтать для лошадей сѣно съ торговъ, чрезъ подрядчиковъ, онъ закупалъ у помѣщиковъ траву на корнѣ, солдаты косили сѣно, получая установленное дневное вознагражденіе, сѣно свозилось на казенныхъ лошадяхъ, и это давало полку большое сбереженіе, которое, при другихъ порядкахъ, служило бы къ обогащенію подрядчиковъ и поставщиковъ, а при введенныхъ имъ порядкахъ эта экономія оставалась въ полку и тратилась имъ на приемы членовъ полка, и не приносила казнѣ никакого ущерба, такъ какъ пріобрѣтаемое экономическимъ способомъ сѣно обходилось казнѣ по справочнымъ цѣнамъ. Мнѣ извѣстно было, что и въ Радомѣ такой же порядокъ практиковался командиромъ одной изъ расположенныхъ въ этомъ городѣ батарей. Вотъ почему рассказанная мнѣ жандармскимъ полковникомъ легенда о безгрѣшныхъ и безвредныхъ для казны доходахъ Микишева показалась мнѣ правдоподобной. Впрочемъ, я выразилъ жандармскому полковнику мысль, что хотя доходы Микишева безгрѣшны и для казны безвредны, но они не вполне справедливы для новобранцевъ, такъ какъ, при практикуемомъ Микишевымъ способѣ распредѣленія новобранцевъ, Иванову, на примѣръ, можетъ

выпасть доля идти въ холодный Архангельскъ или лихорадочный Поти, тогда какъ при другомъ распредѣленіи новобранцевъ на долю его могла выпасть болѣе благопріятная для него стоянка. Не знаю, былъ ли жандармскій полковникъ убѣжденъ въ правдоподобіи рассказанной мнѣ легенды о Микишевѣ. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ замаскированной взятки въ видѣ крупнаго проигрыша въ карты. Какъ бы то ни было, созданная о безгрѣшности доходовъ Микишева легенда охраняла его ореолъ и до поры до времени дѣлала его личность, если и небезупречною, то неприкосновенною. А между тѣмъ освобожденіе солдатиковъ изъ разныхъ полковъ шло своимъ чередомъ и обошло чуть ли не всѣ воинскія части Россійской Имперіи, благодаря напередъ подписываемымъ Ермолинскимъ бланкамъ.

Дѣло это вскорѣ изъ секретнѣйшаго сдѣлалось только секретнымъ, а за тѣмъ только не вполне гласнымъ и начало распалать страсти охотниковъ освободиться отъ отбыванія воинской повинности путемъ возвращенія въ первобытное состояніе за надлежащую мзду. Дошло до того, что нѣкоторые смѣльчаки, особенно евреи, начали являться къ Микишеву и требовать освобожденія отъ воинской повинности, угрожая доносомъ начальству. Запуганный Микишевъ освобождалъ смѣльчаковъ безъ всякой мзды и даже одному нахальному еврею заплатилъ 800 р. за то только, чтобы онъ не подавалъ доноса о его злоупотребленіяхъ. Положеніе Микишева становилось трагическимъ. Наконецъ грянулъ громъ. Какъ ни тщательно Микишевъ пряталъ, при полученіи и распечатываніи почты, непріятныя для него конверты начальниковъ воинскихъ частей съ запросами по дѣламъ освобожденія новобранцевъ, но одинъ такой непріятный конвертъ попалъ въ руки полковника Ермолинскаго; начались справки, и дѣло обнаружилось. Слѣдствіемъ его былъ громкій на всю Россію процессъ, на которомъ выяснилось, что за время своего хозяйничанія у воинскаго начальника Ермолинскаго Микишевымъ было освобождено свыше 100 новобранцевъ. Хотя съ возникновеніемъ въ заинтересованныхъ сферахъ слуховъ о злоупотребленіяхъ Микишева, ему часто приходилось освобождать не только безмездно, но иногда еще и съ приплатою отступного за молчаніе, какъ упомянуто было выше, но въ болѣе счастливые годы ему удавалось получать за новобранца и по тысячѣ рублей. Судъ присудилъ Микишева къ поселенію въ Сибири; но тѣ, которые встрѣчались съ нимъ въ Сибири впоследствии, говорили, что ему жилось на поселеніи не хуже, чѣмъ въ Радомѣ. Нѣкоторые объясняли обезпеченное благосо-

стояніе Микишева въ Сибири тѣмъ, что, зная языки, онъ удачно гдѣ то пристроился, но другіе, болѣе недовѣрчивые люди, утверждали, что въ бытность въ Сибири онъ продолжалъ получать изъ Радома субсидіи изъ тѣхъ капиталовъ, которые образовались отъ освобожденія новобранцевъ отъ воинской повинности при посредствѣ крестиковъ и другихъ условленныхъ эмблемъ, надѣвавшихся на шею новобранцевъ, предъ освидѣльствованіемъ ихъ въ воинскомъ присутствіи.

Разказами о случаяхъ не вполне безкорыстной службы нѣкоторыхъ чиновниковъ въ г. Радомѣ я обрисовалъ одну изъ чертъ радомскаго общества. Прибавлю еще нѣкоторыя черты.

Въ радомскомъ обществѣ меня сильно поражило отсутствіе, не говорю уже идеаловъ и высокихъ стремленій, но сколько-нибудь осмысленныхъ чувствъ и порывовъ. Въ средѣ чиновниковъ рѣдко наблюдалось осмысленное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, разумная дѣятельность, направленная къ истинному благу того учрежденія, гдѣ чиновникъ служилъ, и желанія принести дѣйствительную пользу дѣлу: Чаще наблюдалось отношеніе къ дѣлу поверхностное, лишь бы исполнить только предписаніе и требованіе начальства. Наблюдались случаи чисто формальнаго отношенія къ дѣлу: отписаться или обозначить не только требуемое правилами число засѣданій или собраній, но даже и большее, чтобы выставить свою дѣятельность и усердіе. Затѣмъ внѣ служебныхъ часовъ и присутственнаго мѣста ввѣренное каждому чиновнику дѣло не только никого не интересовало, но и напоминаніе о немъ или объ относящихся къ нему эпизодахъ, хотя бы и интересныхъ, если они не были анекдотическаго и пикантнаго свойства, вызывало не только нерасположеніе, но и неудовольствіе, и было какъ бы нарушеніемъ пріятнаго отдохновенія чиновника отъ надѣвшихъ ему дѣлъ. Гдѣ бы ни собралась кучка чиновниковъ, всегда шелъ оживленный разговоръ на одну и ту же тему, кому вчера везло и кому не везло въ карты, кто какую сдѣлалъ ошибку въ ходахъ; приводились аналогичные случаи, происходившіе не только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но и нѣсколько лѣтъ, причемъ велись дебаты и перекрестные споры за и противъ разбираемыхъ случаевъ въ ошибкахъ. Меня всегда крайне поражило то усердіе и рвеніе, съ которыми записные игроки относились къ различнымъ случаямъ въ карточной игрѣ, и та энергія и умственное напряженіе, которыя необходимо было употребить, чтобы запомнить, какія у него въ рукахъ были карты и какіе кто дѣлалъ ходы. Затѣмъ, когда состоялся комплектъ

партнеровъ, игроки садились за столы и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, принимались за новую игру, которая, конечно, доставляла новый матеріалъ для разговоровъ и споровъ. Въ этомъ и состоялъ весь кругозоръ мыслей и интересовъ радомскаго чиновничества. Поражало меня и доставляло крайнее удовольствіе наблюдать еще одну страсть, которая, какъ и карточная игра, свойственна была, конечно, не однимъ радомскимъ чиновникамъ, это именно—смакованье яствъ и винъ во время парадныхъ и подписныхъ обѣдовъ. Всегда было крайне интересно наблюдать, когда чины всѣхъ ранговъ набрасывались на закуску, особенно если она была обильна и разнообразна; съ какимъ аппетитомъ отвѣдывали чины всѣ яства, критиковали ихъ и въ критикѣ обнаруживали глубокія гастрономическія познанія, при чемъ выпивали „точію по единой“ безконечное число рюмокъ и отвѣдывали питія со всѣхъ наставленныхъ на столахъ сосудовъ. Очень любили радомяне вкусно покушать, особенно на парадныхъ и званыхъ обѣдахъ и завтракахъ. И нужно сказать правду, что среди мѣстнаго чиновничества были любители хорошо покушать и знатоки гастрономіи, не только небрезгавшіе давать поварамъ указанія относительно способовъ приготовленія вкусныхъ блюдъ, но и не отказывавшіеся даже, въ экстренныхъ случаяхъ, нести поварскія обязанности. Вице-губернаторъ С., когда въ Радомѣ былъ парадный обѣдъ по случаю пріѣзда Радецкаго, даже и не сидѣлъ за столомъ, а въ поварскомъ костюмѣ въ кухнѣ приготовлялъ необыкновенный, по собственному рецепту, соусъ.

Вообще радомяне, какъ было упомянуто, очень любили парадные обѣды и званья трапезы, которыя въ Радомѣ бывали очень часто, какъ по случаю пріѣзда начальства, проводовъ чиновниковъ, такъ и безъ всякихъ особенно уважительныхъ поводовъ. Кромѣ парадныхъ обѣдовъ, установлены были въ Радомѣ завтраки, ужъ очень скромные, въ день Новаго года и Св. Пасхи, взамѣнъ праздничныхъ визитовъ. Но введеніе это, проектированное губернаторомъ И. Г. Подгородниковымъ, было весьма удобно въ томъ отношеніи, что избавляло участниковъ въ такихъ праздничныхъ завтракахъ отъ необходимости дѣлать визиты. Собравшись къ опредѣленному часу въ клубъ, участники торжества съ бокаломъ шампанскаго поздравляли другъ друга съ праздникомъ и садились за завтракъ, стоявшій по подпискѣ два—три рубля, при чемъ опредѣленный процентъ отъ подписной суммы удѣлялся въ пользу Радомскаго дѣтскаго православнаго пріюта. Не отрицая практичности и удобствъ, уст-

ройства общихъ поздравленій во время праздничныхъ завтраковъ, устраиваемыхъ взаимнѣ визитовъ, многіе, однако же, находили, что отмѣною визитовъ порывалась и та тонкая нить, которою поддерживались взаимныя отношенія между членами радомскаго общества, ибо этимъ устранялась возможность хотя разъ или два раза въ году бывать въ домѣ своихъ знакомыхъ въ семейномъ ихъ кругу, и всѣ отношенія между членами общества должны были ограничиваться уличными шапочными поклонами, которые, во всякомъ случаѣ, менѣе сближали людей, нежели посѣщеніе знакомаго въ его домѣ, среди его семьи, и случай воспользоваться гостепріимствомъ его и съѣсть на Пасху въ его семейномъ кругу сырной пасхи или кусокъ кулича. Но такія собранія привились въ Радомѣ и охотно поддерживались, можетъ быть, потому, что они не только избавляли отъ визитовъ, но и отъ необходимости устраивать на Пасху столъ и дѣлать приемы, и послѣ завтраковъ устраивать танцы. Вообще собранія и подписныя обѣды, какъ парадныя, такъ и болѣе скромныя, радомяне, какъ упомянуто было выше, очень любили; они, большею частью, происходили довольно воодушевленно и безъ особыхъ инцидентовъ, которые, если и случались, то очень рѣдко. Наиболѣе громкій инцидентъ произошелъ на парадномъ обѣдѣ, данномъ въ честь прибывшаго въ Радомѣ героя Шибки Радецкаго. Шампанское и вина на этомъ обѣдѣ лились довольно обильно, а нѣкоторые изъ участниковъ обѣда, питающіе пристрастіе къ напиткамъ, не стѣснялись выпить лишнюю рюмку на счетъ непьющаго сосѣда, и потому къ концу обѣда пришли въ мажорное настроеніе. Находясь въ такомъ усиленномъ положеніи, одинъ изъ членовъ съѣзда мировыхъ судей Радомскаго округа, милѣйшій человекъ, но страдавшій по временамъ пристрастіемъ къ крѣпкимъ напиткамъ, во время обѣда провозгласилъ тостъ въ честь Радецкаго не какъ за шибкинскаго героя, но какъ за помѣщика Полтавской губерніи, своего сосѣда по имѣнію. Тостъ привелъ въ немалое смущеніе участниковъ обѣда, но не особенно поразилъ, ибо каждому не безызвѣстно, что провозглашаемые россиянами въ концѣ обѣдовъ тосты не всегда отличаются краснорѣчіемъ и умѣстностью; но за то поразилъ публику другой фокусъ, который этотъ ораторъ выкинулъ въ подражаніе московскимъ купчикамъ, бьющимъ въ ресторанахъ послѣ изрядной выпивки дорогія зеркала и посуду. Едва только, по окончаніи обѣда, часть обѣдавшей публики успѣла встать изъ-за стола и выйти изъ залы, какъ упомянутый выше ораторъ однимъ движеніемъ руки перебилъ достаточное количество

стоявшей на столѣ посуды, что онъ сдѣлалъ очень просто—потянулъ за край скатерть и свалилъ со стола посуду. Другіе случавшіеся послѣ парадныхъ и праздничныхъ обѣдовъ эпизоды сравнительно съ этимъ не заслуживаютъ даже вниманія, какъ, на примѣръ, хоровое пѣніе и даже пляски, устраивавшіеся обыкновенно послѣ студенческаго обѣда въ Татьянинъ день, когда почтенные мужи и олимпійцы-сановники снимали съ себя сюртуки и отплясывали трешака, въ присутствіи и при одобреніи часто своихъ же подчиненныхъ и молодыхъ чиновниковъ, впервые справлявшихъ университетскій праздникъ. Вѣдь не было ничего предосудительнаго въ томъ, что почтенный и убѣленный сѣдинами мужъ, какъ, на примѣръ, предсѣдатель Радомскаго окружнаго суда, Вендрихъ, въ такихъ танцахъ побивалъ рекордъ, сравнительно даже съ молодежью; это служило только для всѣхъ, доказательствомъ, сколько въ его превосходительствѣ таилось еще жизненныхъ силъ и какъ онъ былъ молодъ еще не только духомъ, но и тѣломъ.

Я, кажется, достаточно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ охарактеризовалъ радомское, преимущественно, русское общество. Общее впечатлѣніе этой характеристики, я полагаю, то, что отличительными чертами радомскаго общества было стремленіе къ благамъ матеріальнымъ и дѣламъ финансовымъ и экономическимъ, въ противоположность петроковскому обществу, которое тяготѣло преимущественно къ дѣламъ, доставляющимъ жизнерадостное настроеніе; хотя, впрочемъ, и петроковское и радомское общества не чужды были и остальныхъ заблужденій, свойственныхъ всѣмъ смертнымъ, но только вышесказанныя черты выражались въ каждомъ изъ нихъ болѣе рельефно.

Теперь приступаю къ изложенію обстоятельствъ моей службы и дѣятельности въ Радомской гимназіи, для чего мнѣ необходимо охарактеризовать составъ педагогической корпораціи гимназіи, нравственное настроеніе учащихся, состояніе учебнаго дѣла въ заведеніи и упомянуть о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ моей педагогической практики.

Прибытіе мое въ Радомскую гимназію и вступленіе въ педагогическую семью ея не было для меня благопріятно и не было, конечно, желательнымъ для учителей этой гимназіи какъ польскаго, такъ и русскаго происхожденія. Мое прибытіе въ Радомъ совпало съ моментомъ завершенія учебной реформы въ Царствѣ Польскомъ и окончательнаго подчиненія мѣстныхъ учебныхъ заведеній общеимперскимъ постановленіямъ и порядкамъ. Хотя

и до введенія Устава 1871 г. во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ инспекторами, т.-е. начальниками учебныхъ заведеній, были лица русскаго происхожденія, но помощники инспекторовъ, т. е. лица, которымъ ввѣрено ближайшее наблюденіе за воспитаніемъ юношества, были почти всѣ поляки. Съ введеніемъ новаго устава начальники учебныхъ заведеній получили званіе директоровъ, должность помощника инспектора была упразднена, а взамѣнъ этой должности учреждена должность инспектора гимназій, носившаго собственно официальное званіе „исправляющій обязанности инспектора“. Въ Радомской гимназій помощникъ инспектора гимназій, учитель математики Годлевскій, былъ лишень званія помощника инспектора, а назначень на эту должность я, лицо постороннее, изъ другой гимназій, поэтому понятно, ни русскимъ, ни польскимъ учителямъ не было повода радоваться моему назначенію въ Радомъ. Кромѣ общихъ, щекотливыхъ для польскаго общества причинъ—недовольства введеніемъ новаго устава, которымъ польскій языкъ дѣлается необязательнымъ предметомъ и преподавался только для желающихъ, уничтожалось преподаваніе естествовѣдѣнія и учителя этого предмета оставались за штатомъ; поляки въ Радомѣ особенно были недовольны закрытіемъ находившагося при гимназій шарскаго костела и обращеніемъ его на нужды учебнаго заведенія; кромѣ того, нѣкоторые старые учителя, которые не владѣли свободно русскою рѣчью, оставшіеся еще на службѣ, съ введеніемъ новаго устава, были уволены; все это не способствовало жизне-радостному настроенію учителей Радомской гимназій, польскаго происхожденія.

Что касается общей характеристики учителей Радомской гимназій, сравнительно съ корпораціей Петроковской гимназій, въ первое время послѣ введенія новаго устава, то слѣдуетъ признать, что составъ преподавателей Радомской гимназій въ педагогическомъ отношеніи былъ выше состава учителей Петроковской гимназій, хотя необходимо прибавить, что зато въ Радомской гимназій обладали большею эрудиціей, нежели учителя Петроковской гимназій, и большею, сравнительно съ ними, трудоспособностью, заинтересованностью своимъ дѣломъ и педагогическими приѣмами. Послѣдними качествами гимназій обязана бывшему инспектору гимназій Хорошевскому, способному, энергичному и очень требовательному начальнику, а трудоспособность и аккуратность въ исполненіи своихъ обязанностей радомскіе педагоги развили въ себѣ подъ весьма энергичнымъ и даже суровымъ воздѣйствіемъ на нихъ начальника Радомской учебной

дирекціи Пристюка, при которомъ настойчиво проведено было введеніе преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Въ моментъ прибытія моего на службу въ Радомскую гимназію директоромъ ея состоялъ Василій Ѳомичъ Маркіановичъ, а начальникомъ учебной дирекціи Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, при которомъ гимназія вышла изъ зависимости отъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и стала въ зависимость отъ прямого своего начальника, директора гимназій, съ подчиненіемъ, на общемъ основаніи, попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

Директоръ Радомской гимназій Маркіановичъ былъ воспитанникомъ Педагогическаго института, — давшего въ свое время нѣсколько выдающихся педагоговъ, — и уже по самому роду образованія своего былъ знакомъ съ дѣломъ обученія и воспитанія юношества. Характера онъ былъ спокойнаго, хладнокровнаго, нѣсколько флегматичнаго. Онъ не способенъ былъ вспылить, кричать, разносить; къ самымъ рельефнымъ дефектамъ преподавателей онъ, повидимому, относился равнодушно: спокойно приглашалъ провинившагося пожаловать къ нему въ кабинетъ побесѣдовать и, ведя бесѣду съ провинившимся, тихо, отечески, наставительно, доводилъ его часто до слезъ. Онъ обладалъ способностью улаживать всякія недоразумѣнія и несогласія между педагогами и умѣлъ предъ начальствомъ, смотря по ходу дѣла и своимъ соображеніямъ, смягчать и усиливать возникшіе въ гимназій эпизоды. Къ недостаткамъ его административной дѣятельности можно отнести мягкость его характера, его частое стремленіе не выносить сора изъ избы, покрывать нѣкоторые дефекты заведенія и даже показывать формальное благополучіе его, что отчасти происходило, можетъ быть, и потому, что, относясь ко всякому дѣлу хладнокровно и разсудительно, онъ не волновался при всякомъ дефектѣ, считалъ менѣе обычнымъ и даже неизбѣжнымъ въ учебномъ дѣлѣ, не исключая и возникающихъ неожиданныхъ эпизодовъ. Благодаря его характеру, были улажены возникшія было между мною и имъ недоразумѣнія, вслѣдствіе моей неопытности и неосвѣдомленности относительно роли инспектора гимназій въ учебномъ заведеніи по новому уставу. При введеніи новаго устава, точныхъ указаній предѣловъ дѣятельности инспектора гимназій не было обозначено, и всѣ такія указанія ограничивались только 47 § устава гимназій, въ которомъ сказано, что „инспекторъ есть помощникъ директора гимназій по учебно-воспитательной части и, въ случаѣ его болѣзни или отсутствія, вступаетъ во всѣ его права и обязанности“. Хотя для разъясненія мнѣ предѣловъ дѣятель-

ности инспектора потребовалось со стороны директора приглашение меня на бесѣду, но самое разъясненіе и бесѣда прошли мирно, безъ обостренія отношеній и окончились полнымъ согласіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ, и съ своей стороны я былъ для него усерднымъ его помощникомъ въ теченіе десятилѣтней службы моей — въ должности инспектора, а его — въ должности директора Радомской гимназіи. Директоръ Маркіановичъ не чуждъ былъ извѣстной доли честолюбія и охотно принялъ предложеніе празднованія десятилѣтія службы его въ Радомской гимназіи. По случаю юбилея отъ сослуживцевъ былъ поднесенъ Маркіановичу альбомъ съ фотографическими карточками всѣхъ участниковъ чествованія его и на мою долю выпало произнесеніе ему привѣтственной рѣчи.

Переходя къ характеристикѣ учебно-воспитательнаго персонала Радомской мужской гимназіи, раздѣлю служащихъ въ ней лицъ на двѣ категоріи: на лицъ полезныхъ учебному заведенію своею дѣятельностью и выдающимися способностями или трудолюбіемъ и аккуратностью въ исполненіи своихъ обязанностей и на лицъ, служившихъ тормозомъ для учебнаго дѣла или пополнявшихъ собою галерею педагоговъ-антиковъ. Къ первой категоріи должны быть отнесены оба законоучителя гимназіи: православнаго вѣроисповѣданія протоіерей Михаилъ Іоакимовичъ Ивановскій и римско-католическаго исповѣданія почетный каноникъ Іосифъ Михайловичъ Урбанскій, преподаватель евангелическаго вѣроисповѣданія, пасторъ Вистегубе, преподаватели — русскаго языка Дмитрій Ивановичъ Срѣтенскій и Михаилъ Петровичъ Будянскій, древнихъ языковъ — Брузендорфъ и Пюрень и учитель чистописанія и рисованія Пинко, а ко второй категоріи преподаватель русскаго языка П., преподаватель нѣмецкаго языка Гогендорфъ; къ этой же категоріи долженъ быть отнесенъ также преподаватель древнихъ языковъ Тричинскій, собственно со времени обнаруженія въ немъ болѣзненныхъ признаковъ. Я перечисляю только педагоговъ, которыхъ я засталъ въ моментъ прибытія въ Радомскую гимназію. Начну характеристики съ законоучителей гимназіи. Послѣ непродолжительной службы въ Радомской гимназіи настоятеля Радомской Свято-Николаевской церкви священника Н. А. Соснякова, перешедшаго на службу въ Петербургъ — бывшаго митрофорнымъ настоятелемъ Казанскаго собора, недавно скончавшагося, настоятелемъ радомской церкви и законоучителемъ православнаго исповѣданія мужской гимназіи былъ назначенъ бывший законоучитель Молодечненской учительской семинаріи прото-

іерей Ивановскій. Уже то обстоятельство, что о. Ивановскій былъ законоучителемъ образцовой въ свое время Молодечненской учительской семинаріи, можетъ служить свидѣтельствомъ его педагогической опытности. Имъ, между прочимъ, составлено, одобренное ученымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ и особымъ отдѣломъ ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, допущенное въ качествѣ учебника по закону Божію для воспитанниковъ учительскихъ семинарій: „Руководство къ изученію закона Божія“. Кромѣ педагогической опытности, протоіерей Ивановскій отличался тактичностью своихъ дѣйствій, умѣніемъ поддерживать авторитетъ своего званія кротко по-пасторски и способностью оказывать нравственное вліяніе на учащихся. Изъ длинной галлерей законоучителей православнаго исповѣданія, служившихъ въ мое время въ Радомской гимназій, о. Ивановскій болѣе всѣхъ пользовался любовью и уваженіемъ учащихся: гдѣ бы нравственный ученикъ ни встрѣтилъ его, хотя бы и на улицѣ, онъ подходилъ къ нему подъ благословеніе. Этотъ православный обычай не соблюдался воспитанниками послѣ Ивановскаго, не говоря уже на улицѣ, но даже и въ стѣнахъ заведенія, такъ точно и охотно.

В. А. Смородиновъ.

